DOI: 10.17117/na.2016.12.03.214

<http://ucom.ru/doc/na.2016.12.03.214.pdf>

Поступила (Received): 26.12.2016

Алиев Р.З. Контрреволюция маневрирует (межнациональная война на Тереке)

Aliev R.Z.
The counter-revolution maneuvers (inter-ethnic war in the Terek)

В статье автором рассматриваются следующие ключевые вопросы: о подготовке к назначенному на 15 (28) февраля 1918 г. в Пятигорске ко II народному съезду; о народном съезде в Моздоке провозгласивший мир и дружбу между народами Терека и сформировавший новую областную революционную власть; о II сессии Терского областного народного съезда в Пятигорске 1918 г.; о казачьей контрреволюции, которая маневрировала и приспособлялась к новой послеmozдокского съезда обстановке на Тереке; об отношениях, которые складывались между ингушами и казаками, между ингушами и осетинами после Терского съезда; о поездке чеченской делегации в Пятигорск на областной народный съезд

Ключевые слова: съезд, мир, дружба, власть, войсковой круг, казачья контрреволюция

Алиев Руслан Зубайраевич

Научный сотрудник

Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова РАН

г. Грозный, Старопромисловское шоссе, 21 А

In the article the author considers the following key issues: preparation scheduled for 15 (28) February 1918 in Pyatigorsk to the II national Congress; people's Congress in Mozdok proclaimed peace and friendship between the peoples of the Terek, and form a new regional revolutionary power; on the II session of the Terek regional people's Congress in Pyatigorsk in 1918; about the Cossack counterrevolution, which maneuvered and adapted to the new pokerstarscom Congress the situation on the Terek, the relationship that evolved between the Ingush and the Cossacks, between the Ingush and Ossetians after the Terek Congress; on the visit of the Chechen delegation to Pyatigorsk on the regional people's Congress

Key words: congress, world, friendship, the power of a Cossack, the Cossack counter-revolution

Aliev Ruslan Zubaraevich

Researcher

Complex scientific research institute named Kh.I. Ibragimov of the RAS

Grozny, Staropromyslovsky highway, 21 A

Весть о том, что народный съезд в Моздоке провозгласил мир и дружбу между всеми народами Терека и образовал новую областную революционную власть, быстро облетела истерзанный, страдавший край. Пятигорский и Грозненский советы, по поручению съезда, отпечатали и широко распространили большое количество листовок с Моздокской декларацией. Доклады делегатов съезда, вернувшихся в свои станицы и селения, взволнованно обсуждались на многолюдных собраниях и митингах. Всюду началась подготовка к назначенному на 15 (28) февраля в Пятигорске второму народному съезду.

От делегаций, направленных Моздокским съездом к чеченскому и ингушскому народам, поступали тоже, в общем, отрадные сообщения. Трудовые Чечня

и Ингушетия с радостью и воодушевлением встречали посланцев мира. В аулах и селениях начались выборы делегатов на Пятигорский съезд.

Контрреволюционные силы забили тревогу. Казачье офицерство, все эти Рымари и Пятирублевы, так горячо взявшиеся за организацию Моздокского съезда, поняли, как жестоко просчитались они, какую непоправимую ошибку допустили. Что же делать теперь? Выход один – так или иначе, очернить Моздокский съезд, дискредитировать его в глазах казачества и горских народов, сорвать или хотя бы расколоть созываемое в Пятигорске продолжение Моздокского съезда, главное – не допустить участия в нем делегатов Чечни и Ингушетии.

С соответствующим заявлением, прежде всего, выступило Терско-Дагестанское правительство, объявив Моздокский съезд «митингом», а Терский Народный Совет неправомочным.

Назначение на 15 (28) марта выборов в учредительное собрание создало некоторую почву для активизации контрреволюционных сил. Нальчикский окружной исполнительный комитет, например, послал открывшемуся в Пятигорске народному съезду телеграмму о том, будто «народ разделяет убеждение Терско-Дагестанского правительства, что только краевое учредительное собрание может создать истинную народную власть, а не митинговое Моздокское собрание». В телеграмме заявлялось еще, что делегаты на Пятигорском съезде от кабардинцев и балкарцев, как выбранные не по четырехчленной системе, не имеют полномочий [1, с. 26].

Это был открытый вызов революционным силам кабардинского и балкарского народов.

Кабардино-балкарская фракция съезда вызов приняла. В ответственной телеграмме она заявила, что окружной исполнительный комитет и окружной комиссар давно потеряли всякое доверие в глазах кабардинского народа. Делегатами на Пятигорском народном съезде были почти все более или менее видные революционные деятели Нальчикского округа, вожаки народных масс. Воспользовавшись этим, дворяне-помещики, организовали свой полк, решив не допустить возвращения делегатов со съезда в Кабардино-Балкарию, переловить их по дороге и расправиться, и тем самым обезглавить революционное движение в округе.

Но революционное сознание масс было настолько высоко, что около тысячи крестьян-повстанцев – вооруженных всадников, стихийно двинулись к Нальчику для разгрома белой банды. Дворяне, не приняв боя, разбежались. Кабардино-Балкария была тогда единственным, пожалуй, районом, где помещики, влиятельные князья попытались силою оружия воспрепятствовать образованию на Тереке новой революционной областной власти. Правда, Терско-Дагестанское правительство свое заявление о непризнании Терского Народного Совета сопровождало угрозами, что всякие покушения на его власть будут пресечены самыми решительными средствами, фактически же оно было бессильно что-либо предпринять. В этом отношении куда более опасными были происки кулацко-офицерских верхов казачества.

Первой открыто подняла свой голос так называемая казачья военная секция Пятигорского отдела. И это не случайно. В Пятигорском отделе казачество было наиболее зажиточным. Непосредственная близость курортов, помимо других благоприятных условий, обеспечивала казачьим хозяйствам постоянные и хорошие доходы.

Сейчас же после Моздокского съезда военная секция Пятигорского отдела обратилась ко всему терскому казачеству с воззванием. В этом, насквозь лживом, клеветническом документе нет ни слова о провозглашении Моздокским съездом мира и братства народов Терека, об организации новой областной народной власти. Все, в воззвании, от первого до последнего слова, направлено к тому, чтобы снова взбудоражить казачество, ударить по самому больному для казаков месту – по их тревоге и опасениям за свои земли.

Не сказав даже, что Моздокский съезд был созван самими казаками, подчеркнув, что не все казачьи станицы были представлены на Моздокском съезде (в то время как из 70 станиц не были представлены только 4); умолчав о полномочном участии делегатов осетинского, кабардинского и балкарского народов, авторы воззвания провокационно называют Моздокский съезд съездом иногородних, а созываемую в Пятигорске вторую его сессию – также съездом иногородних, только с участием казаков и горцев.

В воззвании указывалось, что на съезде в Пятигорске будет решаться вопрос о земле, который «больше всех касается нас, казаков, и нам надо над ним крепко призадуматься... Малоземельными у нас в Терской области считаются ингуши, чеченцы и другие горцы, безземельными – переселившиеся сюда из разных губерний, крестьяне и рабочие. И те, и другие могут потребовать себе земли только от нас, казаков!» [4, с. 1]

Земля, земля! ее приманчивая томящая сила вновь пускается в действие, чтобы опять сбить с толку трудового казака и вернуть его на старые контрреволюционные позиции! Воззвание извращает и начисто отвергает все, что было достигнуто на Моздокском съезде. Оно растравляет рану в душе казака, рисуя перед ним картину, как «весною рядом с казаком и безземельный крестьянин начнет пахать землю» – ту землю, что «триста с лишним лет кровью отвоевывали наши славные деды и отцы!» Есть, мол, у нас, «истинных сынов Терека», и сила, чтобы «не разбросать зря доставшееся наследство», «нужно только мудрое решение». – Ни пяди казачьей земли никому! – вот она мудрость, вновь провозглашающая обанкротившуюся аграрную программу контрреволюционного союза казачьих войск.

Не удивительно, что когда воззвание было зачитано на открывшемся 11 (24) февраля во Владикавказе войсковом круге Терского казачьего войска, оно было встречено бурными аплодисментами.

Напомним, что круг этот войсковое правительство созывало сперва на 10 (23) января, но, ни один депутат не явился. Предпринята была еще одна отчаянная попытка созвать круг уже не во Владикавказе, а в станице Марьинской на 25 января (7 февраля), но и она сорвалась.

Видя, с какой ненавистью, относятся к войсковому правительству в казачьих станицах, депутаты круга попрятались в «кусты», стараясь, уклониться от

ответственности за политику, заведшее казачество в кровавый тупик. А инициативу взяли в свои руки казаки-фронтовики, решив создать вместе с иногородним населением, с осетинским, кабардинским и балкарским народами новое объединенное областное правительство, под лозунгом войны против чеченского и ингушского народов.

Но когда вместо ожидаемого правительства войны было создано правительство мира, когда руководство политической жизнью в крае перешло к социалистическому блоку, фактически – к большевикам, когда ясно определилось огромное значение Моздокского съезда, как переломного момента в развитии революции на Тереке – часть казачества вновь заколебалось. Кулацко-офицерские верхи использовали все это в своих целях. Они вновь старались вбить клин между трудовым казачеством и остальным населением области, отгородить казаков от рабочего класса и иногороднего крестьянства, от трудовых масс горских народов провокацией о разделе казачьих земель, демагогией о самобытности казачества, о якобы особых интересах его... Вот тогда и ожили политические трупы – депутаты, избранные еще впервые дни Февральской революции [5].

На войсковой круг, открывшийся 11 (24) февраля во Владикавказе, явилось 131 депутата.

Как оказалось, некоторые депутаты войскового круга были делегатами своих станиц и на Моздокском народном съезде, а некоторые побывали там, в качестве «наблюдателей».

Теперь они – Фальчиков, Панков и другие, всячески поносили съезд. Наиболее выразительным в этом отношении было выступление казачьего офицера Базалия, через каких-нибудь четыре месяца, ставшего «героем Боргустана», одним из организаторов восстания в районе Кисловодска, сподвижником Шкуро. С неистовой злобой говорил он о том, что от казаков, осетин и кабардинцев на Моздокский съезд прибыли «низы», а «рабочие и солдаты в своих представительствах дали самое лучшее, сильное и хитрое.

Поэтому первую скрипку играл социалистический блок». В результате, мол, и казачество, и Кабарда были на съезде «одурачены».

Таков был этот войсковой круг VI созыва.

А через шесть дней в Пятигорске открылся второй областной народный съезд, казачья фракция которого численности не уступала кругу. Это были в большинстве своем непосредственные представители казачьих станиц. Их политическая сила, моральный авторитет неизмеримо возрастал еще и потому, что они действовали, не изолировано, а в единении с рабочим классом, с иногородним крестьянством, с трудовыми массами горских народов.

Четырнадцать дней заседал войсковой круг, с нетерпением ожидая, какие же решения примет народный съезд в Пятигорске, чтобы соответственно определить свою дальнейшую тактику. Все это время президиум круга пытался найти общий язык с казачьей фракцией Пятигорского съезда и достигнуть какого-нибудь компромиссного решения.

Оказалось, что и на этот раз некоторые депутаты круга имели мандаты на участие в Пятигорском народном съезде. Не раз выезжали они в Пятигорск –

знакомились с обстановкой на съезде и старались внести разложение в казачью фракцию.

Руководители круга поняли, что на всякий случай следует как-то приспособиться к решениям Моздокского и Пятигорского областных народных съездов, что вообще существовать и дальше в старом обличье – с войсковым правительством и атаманом – уже невозможно. Надо перекраситься, подрумяниться под Советы!

Было решено, что станицы теперь будут избирать Совет казачьих и крестьянских депутатов на пропорциональных началах, но с оговорками: если иногородних больше – они избирают только равное с казаками число депутатов и председателем станичного совета обязательно должен быть казак. Так же избираются и отдельские (окружные) советы. Вместо войскового круга будет Терский совет казачьих и крестьянских депутатов, а вместо войскового правительства – исполнительный комитет.

Исполнительный комитет был избран в составе двенадцати членов: восемь – для заведывания хозяйственными делами и четыре – политическими. Не забыты были, конечно, и дела военные: для руководства ими, круг избрал начальника войскового штаба.

Отметим еще одно решение войскового круга – о реорганизации вооруженных сил терского казачества. Еще в конце 1917 года, когда казаки, вернувшиеся с фронта полков разъехались по своим станицам, войсковое правительство начало создавать наемные отряды (в станицах их называли офицерскими сотнями). Теперь войсковой круг утвердил начальниками таких отрядов в Пятигорском отделе – о полковника Агоева, в Кизлярском – полковника Бочарова, в Сунженском – войскового старшину Рощупкина и в Моздокском – все того же полковника Рымаря.

Так казачья контрреволюция маневрировала и приспособлялась к новой, после Моздокского съезда, обстановке на Тереке. Противоречия внутри терского казачества еще не обострились до вооруженной борьбы, да и условий для этого еще не было.

Широкие массы казачества все еще считали, что главная опасность угрожает им, прежде всего, со стороны чеченского и ингушского народов. Играя на чувствах казаков и продолжая вступать в роли охранителя земель и всего «исторического достояния» казачества, офицерско-кулацкие верхи вновь почувствовали себя довольно прочно. Вот почему войсковой круг действовал, хоть и с оглядкой на Пятигорский областной народный съезд и его казачью фракцию, как хозяин казачьих дел.

За пределами же казачьих дел войсковой круг явно опасался занять какую-либо определенную позицию: не порвал с Терско-Дагестанским правительством, но и не направил в состав его своих новых представителей, хотя должен был сделать это; не признал новой областной власти Терского Народного Совета, но и не отверг его, просто обошел молчанием этот вопрос. Курс был взят, очевидно, на то, чтобы при всех обстоятельствах – утвердится ли власть Терского Народного Совета, состоятся ли выборы в краевое учредительное собра-

ние – не допустить развязывания политической борьбы внутри казачества. Поэтому и было решено созвать очередной войсковой круг 25 марта (7 апреля) – к тому времени положение на Тереке должно было, так или иначе, определиться.

Положение в Ингушетии было отчаянное. Вооруженные столкновения между ингушами и казаками могли в любой момент развернуться в настоящую войну по всей Сунженской линии. Казаки совершенно отрезали горную Ингушетию от плоскостной. Скудные запасы зерна в горах были совершенно исчерпаны, так начался голод. Единственный путь, по которому еще можно было доставить хлеб голодающим аулам – это через Владикавказ. Но въезд в город ингушам был практически запрещен. В довершение всего резко обострились отношения между соседними ингушскими и осетинскими селениями. И здесь, в результате какой-нибудь провокации, могли бы произойти непоправимые бедствия.

Понятно, с какой радостью была встречена в Ингушетии делегация Моздокского областного народного съезда. Посланцы мира и дружбы между всеми народами Терека, как бы пробили брешь в той стене взаимного непонимания, вражды и ненависти, что отгораживала Ингушетию от остальной области, У маленького народа с такой трудной исторической судьбой вновь появилась надежда на мирную жизнь, на осуществление своих национальных чаяний.

Председателем Ингушского национального совета был Васангирей Джабагиев – один из организаторов контрреволюционного союза «Горцев Северного Кавказа», некоторое время принимавший участие и в Терско-Дагестанском правительстве. Теперь Джабагиев счел необходимым признать, что вывести ингушский народ из тупика, спасти, возможно, только в единении со всеми народами Терека, с иногородним населением, с Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Ингушский национальный совет горячо приветствовал декларацию Моздокского съезда.

В Ингушетии, на всенародных собраниях, в селениях и аулах, было избрано 24 делегата на второй областной народный съезд.

Но контрреволюционные силы решили не допустить участия представителей ингушского народа в Пятигорском съезде. В тот день, когда ингушская делегация должна была направиться в Пятигорск, произошел явно спровоцированный инцидент между осетинами и ингушами. Телеграфируя об этом Терскому Народному Совету, А.П. Сахаров и Н. Кесаев, сообщили: «Настроение тревожное. Работает черная рука, чтобы создать условия, при которых невозможна была бы поездка ингушской делегации. Ингуши заявили, что несмотря ни на что они посылают свою делегацию на съезд, чтобы доказать всем, непонимающим ингушского народа, что он хочет мира и идет с демократией» [1, с. 19].

Однако ингушская делегация смогла выехать в Пятигорск только через несколько дней. Весть о провокации во Владикавказе всколыхнула всю Ингушетию. Когда Моздокская мирная делегация вновь приехала в селение Базоркино, там уже находилось до пяти тысяч всадников. Они заявили, что верят демократии, но видят, что она беспомощна, что-либо сделать и поэтому они готовы ехать в город, чтобы обезоружить офицерские и иные сотни и сдать оружие

народу. Вместе с тем ингуши потребовали, чтобы Владикавказ пропустили в горы обоз с хлебом для голодающих аулов.

Делегаты Моздокского съезда вызвали в селение Базоркино представителей Владикавказского городского самоуправления и убедили ингушей воздержаться от всяких выступлений, пока областной народный съезд сам не разгонит контрреволюционные сотни во Владикавказе. Они заверили также, что обоз будет пропущен в горную Ингушетию.

Делегация Моздокского народного съезда немедленно договорилась с самообороной окраинных слободок – Молоканской, Курской и Шалдона, и под их охраной обоз с хлебом благополучно прошел в Ингушетию.

С более сложной обстановкой столкнулась мирная делегация Моздокского съезда в Чечне.

Чеченский национальный совет, как и Ингушский, горячо приветствовал Моздокскую декларацию и приезд мирной делегации народного съезда. Для обсуждения предварительных требований, предъявленных Моздокским съездом чеченскому народу в наказе мирной делегации, 3 (16) февраля было созвано «народное совещание» под председательством Мутушева. Совещание, в общем, согласилось со всеми требованиями, но внесло свои существенные дополнения, составленные очевидно искусной рукой адвоката А. Мутушева.

Выдать контрреволюционеров для предания их народному суду? Чеченский народ сам настаивает на том, чтобы контрреволюционеры были судимы со всей строгостью, но предлагает немедленно создать смешанную следственную комиссию для всей территории Терской области. Выдать для предания суду разбойников и воров? Выражая полное согласие с этим, чеченский народ полагает, что практически это можно сделать только после установления трудовыми народами Терской области твердой власти. Признать захваченные чеченцами вооружения и арсенал крепости Ведено общегосударственным достоянием? Полностью соглашаясь с этим, чеченский народ вместе с тем полагает справедливым требовать, чтобы все артиллерийское и иное огнестрельное оружие, находящееся у казаков, так же, как общегосударственное достояние, было бы сдано в склады под охрану отряда, состоящего из представителей всех народов Терской области [1, с.18].

Самым важным и решающим тогда было, чтобы чеченский народ вошел в братскую семью народов Терека, принял участие в работе областного народного съезда. И Терский народный Совет многое сделал в этом отношении. Он направил специальное приглашение в Чечню – прислать делегатов на съезд. Грозненский военно-революционный совет телеграфировал 17 февраля (2 марта) в Пятигорск, что чеченский народ горячо откликнулся на приглашение Терского Народного Совета: по аулам идут выборы.

Однако темные контрреволюционные силы Чечни не останавливались ни перед чем, чтобы сорвать участие чеченского народа в областном народном съезде. В ночь, накануне открытия съезда, несколько тысяч вооруженных чеченцев напали на станицу Романовскую, расположенную недалеко от Грозного. На помощь примчались казаки из станицы Ермоловкой. Во время сражения было убито более 60 чеченцев и казаков.

Положение в районе Грозного, и без того очень напряженное стало угрожающим. Воинские части Грозного требовали начать наступление на ближайшие чеченские аулы и разгромить их.

Только что открывшийся областной народный съезд направил чрезвычайную комиссию из представителей всех фракций для расследования обстоятельств этого неожиданного столкновения.

23 февраля (8 марта) на так называемом Алдынском кургане (между Грозным и чеченским селением новые Алды) состоялась встреча чрезвычайной комиссии Пятигорского съезда с представителями чеченского национального совета. Задержку с выездом чеченских делегатов на областной народный съезд они объяснили причинами, не зависящими от делегации. Проехать тогда открыто в Пятигорск, через всю почти Терскую область, большой группе чеченцев было очень трудно. В любом месте могла совершиться в отношении их, провокация. Поэтому чрезвычайная комиссия Пятигорского съезда обратилась с воззванием «Ко всем казакам и военно-революционным советам на Сунже» – помочь чеченским делегатам проехать на съезд. Кроме того, в этом документе имеется ряд интересных заявлений, в которых коротко обрисовывается обстановка в Чечне.

Воззвание признает, что «вековая вражда чеченцев и казаков, является плодом земельного неустройства, и что обиженной стороной в этом отношении, нужно сказать правду открыто, являются чеченцы». Благополучное разрешение земельного вопроса Пятигорским съездом – первое решающее условие для успокоения края.

Но чтобы этот вопрос разрешить, необходимо полное представительство на съезде всех народов.

А приезд чеченской делегации в Пятигорск задерживался не только потому, что все дороги туда были закрыты. Причина заключалась еще и в том, что в Чечне все более обострялась внутренняя политическая борьба.

Главные военные и политические силы Чечни были сосредоточены в районе полуосажденного Грозного. Здесь был наиболее опасный узел контрреволюционных провокаций, и здесь же, на историческом Алдынском кургане происходили начатые еще в январе и затянувшиеся до июля 1918 года мирные переговоры. Чтобы яснее представить, какие силы действовали тогда в Чечне, расскажем коротко об одной из мирных конференций, самой значительной по своему составу. Проходила она 8 (21) марта, когда Пятигорский народный съезд уже принял решение по важнейшим вопросам и переехал во Владикавказ. Грозненскую делегацию возглавлял член Грозненского военно-революционного совета большевик Каграманян – главный тогда дипломат революционной власти в Грозном, с большим тактом и твердым достоинством, представлявший ее в длительных переговорах с самыми различными политическими деятелями Чечни. Чеченской делегацией руководил член Чеченского национального совета Ибрагим Чуликов, ингушской делегацией – полковник Саадиев.

К Алдынскому кургану торжественно подъехал в сопровождении более сотни вооруженных всадников-мюридов и шейх Узун-Хаджи. Имам не участвовал

непосредственно в переговорах, он дал только какие-то указания дагестанской, чеченской и ингушской делегациям и уехал.

Конференция, на которой присутствовали в качестве посредников представители Дагестана, должна была решить вопросы войны и мира между чеченцами и ингушами, с одной стороны и казаками, с другой. Но Каграманян с самого начала заявил, что разрешением всех этих вопросов занимается Терский областной народный съезд, заседающий в настоящее время во Владикавказе, и поэтому мирной делегации Дагестана следует обращаться непосредственно к этому съезду.

За несколько дней до данной конференции Чеченский национальный совет известил Грозный, что делегация Чечни выехала в Пятигорск на областной народный съезд. Но теперь на вопрос Каграманяна о составе делегации Чуликов ответил, что делегаты еще не выехали, они в Чечне. Грозненский военно-революционный совет не раз получал заверения, что чеченские делегаты выедут в Пятигорск, и поэтому Каграманян с возмущением спросил: «Как же нам надо понимать ваше заявление? Неужели мы обмануты вновь?»

Отвечая Каграманяну, Чуликов заявил, что чеченский народ верит съезду и никакой другой власти не признает. Он всячески подчеркивал исключительную трудность и опасность поездки делегации из Чечни на областной съезд. На самом же деле реакционная группа в Чеченском национальном совете, руководимая самим Чуликовым, саботировала мирную инициативу Моздокского съезда. Она делала это осторожно, замаскировано, а сторонники Узуна-Хаджи – шейхи и муллы действовали открыто.

События в Чечне развернулись так, что шейху Узуну-Хаджи пришлось убраться в Дагестан. В эти именно дни он со своими бандами ворвался наполовину покинутый жителями ослабленный Хасавюрт и дотла разорил богатую слободу – центр Хасавюртовского округа. Предпринято это было явно с целью сорвать с таким трудом налаживающиеся мирные отношения чеченского и ингушского народов с казачеством и иногородним населением Терека. Но положение теперь было иное, в Чечне происходили серьезные революционные изменения.

Когда 25 марта (7 апреля) представители Грозненского революционного совета подъехали к историческому Алдынскому кургану для очередных мирных переговоров, они были поражены необычным видом чеченской делегации: она состояла из сравнительно молодых людей и возглавляли ее молодые чеченские офицеры М. Мациев, Я. Арсанов (сын убитого шейха Арсанова), Джамалдинов.

– Почему на переговоры не явились муллы, старики, почему нет представителя Дагестана? – с удивлением спросил Каграманян.

– У нас, как и русских, партия мира побеждает сторонников войны, – ответил М. Мациев.

А через некоторое время при новой встрече делегаций Грозного и Чечни, М. Мациев предложил немедленно приступить к формированию смешанного русско-чеченского отряда для освобождения Хасавюрта, находящегося во вла-

сти бандита шейха Узун-Хаджи и его разбойничьей шайки. Он высказывал опасения, что Узун-Хаджи может вновь зажечь пожар междусобной борьбы между русскими и чеченцами и тогда «великое дело революционного строительства в Чечне будет подавлено окончательно».

Представители Грозненского военно-революционного совета разъяснили, что вопрос о формировании смешанного русско-чеченского отряда и о походе на выручку Хасавюрта может решить только Терский областной совет. Обе делегации согласились срочно телеграфировать Терскому совету о создавшемся положении.

В заключении Мациев сообщил, что в Чечне идет горячая работа по созданию Красной армии. Цель ее – решительная борьба с контрреволюцией. «для раскрепощения чеченского народа нужна гигантская сила, а эта сила и есть прочный мир с русским народом» [1].

Как казачья, так и горская контрреволюция располагала все еще большими возможностями, чтобы маневрировать и приспособливаться к новой политической обстановке на Тереке. Их цель теперь – сохранить свои силы, выждав подходящий момент, перейти в наступление против революции, против Советской власти.

Контрреволюционные силы Осетии также безоговорочно отвергали Терский Народный Совет. Но что странно, и Осетинский национальный совет, оппозиционно настроенный против горского и Терско-Дагестанского правительств занял в отношении новой революционной власти, также отрицательную позицию. Объяснить это можно только тем, что часть преобладавшей в нем демократической интеллигенции все еще слепо верила в непреложность таких «канонов» демократии, как пресловутая «четырёххвостка» учредительное собрание.

1 (14) февраля в Ардоне открылся созванный Осетинским национальным советом V съезд осетинского народа. Это было самое трудное время на Тереке – разгар анархии и межнациональных столкновений, общий разброд. Попытки Осетинского национального совета выполнить постановление IV съезда Осетии о мобилизации осетинской молодежи для создания своей национальной армии не привели ни к чему. Но какие-то вооруженные силы были необходимы хотя бы для поддержания самого элементарного порядка, для борьбы с грабежами и разбоями. Единственный выход – организовать наемные вооруженные отряды, как это вынуждено было сделать казачье правительство. Но если в казацкой казне было еще достаточно средств для этого, то откуда взять их Осетии? И поскольку обнаружилась абсолютная беспомощность горского и Терско-Дагестанского правительств в управлении краем, то что же делать, как быть дальше?

Все эти вопросы («Организация найма войска и народной милиции», «Отношение к Горскому и Терско-Дагестанскому правительствам и др.) решено было обсудить на V съезде Осетии. Главным же вопросом оказался заслушанный вне очереди доклад С. Такоева об итогах Моздокского областного народного съезда.

Не приняв никакого решения по докладу С. Такоева, съезд весь следующий день обсуждал общее положение в Терской области, особенно в Осетии, по до-

кладу Г.Ф. Баракова. Перед съездом предстала мрачная картина отчаянного положения, в котором оказался осетинский народ в результате преступной политики казачьих и горских, в том числе и осетинских контрреволюционных верхов.

В сильных выражениях сказано об этом в принятой съездом резолюции, предложенной К. Бутаевым. Съезд объявил изменниками народа и дела национального возрождения Осетии отдельные группы и элементы, «допускавшие в последнее время безответственные выступления, идущие в разрез с революционными завоеваниями». Съезд заявил, что он «отвергает всякую мысль о войне с соседними братскими народами и верит, что начатые по инициативе отдельных групп безумные столкновения прекратятся окончательно» [2].

При таком положении, когда над Осетией, вовлекаемая к тому же в неожиданно вспыхнувшие религиозные распри, нависла угроза готовой вот-вот развиться войной с соседними народами, призыв Моздокского съезда к миру, дружбе и братству всех народов Терека был воспринят народными массами как последняя надежда. И хотя V съезд Осетии продолжает в революции упорно твердить, что «единственно правильным, законным способом разрешения всех наболевших вопросов является немедленный созыв краевого учредительного собрания на основе всеобщего, равного, тайного и прямого голосования и пропорционального представительства», – он вынужден был все же приветствовать Моздокский съезд, «как носителя гражданского мира в области».

«Носитель гражданского мира в области!» – это первый шаг, за которым последовали и другие. Об отношении к Горскому и Терско-Дагестанскому правительствам съезд принял резолюцию, составленную С. Такоевым, К. Бутаевым и Дударовым. В резолюции отмечалось, что до созыва учредительного собрания организовать единую областную власть правомочен только областной съезд всего населения, созываемый на основах пропорционального представительства на 15 февраля 1918г. [3], и Терско-Дагестанское правительство должно передать этой власти свои полномочия.

Это было уже прямое признание решений Моздокского областного народного съезда, признание полного краха политики контрреволюционных верхов горских народов. V съезд Осетии не только поставил крест на Терско-Дагестанском правительстве, он потребовал, чтобы и горское правительство сдало свои полномочия национальным советам горских Народов. Съезд поручил национальному совету реорганизовать на демократических началах Союз объединенных горцев с тем, чтобы союз не имел «функций управления».

А через некоторое время избранный на V съезде новый Осетинский национальный совет опубликовал официальное сообщение о том, что «член Терско-Дагестанского правительства Осетии Асламбек Бутаев – не ставленник и не кандидат национального совета, а занимает пост помимо каких-либо органов самоуправления Осетии». Так завершился разрыв Осетинского национального совета с Терско-Дагестанским и Горским правительствами.

Реакционные силы Осетии, конечно, не примирились с этим. Они старались теперь, прежде всего, сорвать участие осетинского народа во II областном народном съезде. Но тщетны были их усилия.

Список используемых источников:

1. Вторая сессия Терского областного народного съезда. Пятигорск, 1918 г.
2. Газета «Горская жизнь» № 38, 17 февраля 1918 г.
3. Газета «Горская жизнь» № 31, 9 февраля 1918 г.
4. Отчет заседаний войскового круга Терского казачьего войска VI созыва. Владикавказ, 1918 г.
5. Положение об управлении Терского казачьего войска.

© 2016, Алиев Р.З.

Контрреволюция маневрирует (межнациональная война на Тереке)

© 2016, Aliev R.Z.

The counter-revolution maneuvers (inter-ethnic war in the Terek)